

СЕГОДНЯ мы осмысливаем ушедший век. И понимаем, что он был ознаменован, в том числе, выдающимися произведениями нашего отечественного кинематографа. Одним из таких произведений стал новый фильм Алексея Германа "Хрусталева, машину!" Как, впрочем, и другие его картины - "Мой друг Иван Лапшин", "Двадцать дней без войны", "Проверка на дорогах". Сначала их отвергали, клали "на полку", а потом признавали классикой.

Мастер отечественного кино Герман совершенно не соответствует облику мэтра, глубокомысленного и высокопарного, это достаточно простой и ясный человек, к тому же с большим чувством юмора. Фильмы его поначалу многим кажутся излишне сложными, но в конце концов становятся признанными во всем мире.

Аргументы и факты. - 2000. - янв. (№4). - с. 3

А. Герман, режиссер.

Его фильмы сначала отвергают, а потом признают классикой

- БЫЛ просмотр моего фильма "Мой друг Иван Лапшин" (по повести моего отца Юрия Германа, сценарий Эдуарда Володарского) на телевидении. Еду я в лифте с каким-то мужиком. У него в руках две бутылки коньяка. Я говорю: что это вы с утра-то? А он - да там картину показывают какого-то мудака, говорят, такое говно, тощица, вот меня Попец и послал за коньяком. Я говорю: нет, картина не говно, картина хорошая. Зашел я после фильма к Пощову, выпил с ним того самого коньячку, и входит тот мужик из лифта, оказывается, он зав. отделом поэзии у них. Как узнал, что это я режиссер, испугался, выбежал и даже заболел потом.

- На первом показе "Хрусталева" вы просили зрителей не уходить хотя бы до середины. Значит, вы отдаете себе отчет в том, что часто ваши фильмы с трудом воспринимаются зрителем. При этом у вас возникает интуитивное чувство, что кино получилось и его в конце концов признают?

- Я не кинематографист. Я никогда не кончал ВГИКа. И поэтому, может быть, мне легче. Я не снимаю драматургию, как полагаются, а каждый раз начинаю придумывать свое кино. И придумывать мы - я говорю "мы", имея в виду Светлану Кармалиту, мою жену и соавтора, - начинаем из чего-то, что должно быть обязательно связано с моей жизнью, иначе у меня ничего не получится.

Я должен в сценарий "насовать" какие-то штуки из своей жизни. Вот, например, фильм "Двадцать дней без войны". Я начинал вспоминать поездку военного времени и т. д. Потом мы там придумали такую "женщину с часами", ее очень хорошо играет Ахеджакова. Был только один дубль, он и вошел в фильм. Так я представил, что это моя мама... Мне сразу стало легче. Я вообще очень цепкий на память. Мне важно за что-то зацепиться. Я не могу снимать "вообще", мне надо прирасти душой.

- Но все-таки нужны же не только личные ощущения, личный опыт.
- Да, и вот почему я очень много

раз бывал в тюрьме. Не как заключенный, а готовился к фильмам. Для фильма "Мой друг Иван Лапшин" я познакомился с огромным количеством проституток, мне нужна была проститутка-воровка. Правда, меня оперы никогда не брали на операцию. На мое брюхо не налезает бронежилет. В фильме "Проверка на дорогах" в кадрах, когда везут пленных, у нас тоже играли одни заключенные. Константин Симонов, он был большим другом моего отца, умер, не узнав, что мы в этой сцене снимали зеков. Он бы мне никогда этого не простил. Там снималось около 600 заключенных.

- Были персонажи, которые особо запомнились?

- Приводили мне вора в законе, все перед ним лебезили. Не какого-то Япончика, а настоящего тюремного вора в законе. Его можно узнать по сапогам, мы сразу определили - это уголовный авторитет. Они не то что начищены, так

просто нельзя начистить нормальному человеку, там вот такой слой гуталина, и в нем отражается небо! Он входит и спрашивает: "Кофе принесли?" Я отвечаю: "Не знаю". - "Отчего же вы не знаете? Я ведь могу рассказать, как сожгли человека в печку; могу рассказать разные ужасы". - "А я хотел вас спросить про другое". - "Мне неинтересно на эту тему разговаривать, тем более без кофе. Отведи меня к охраннику, и не ниже майора!"

А когда мы приехали в тюрьму с проститутками знакомиться, то мне показалось, что я попал на бал, какая-то мистика! Черные своды, пробитые дыры в кирпичных стенах, и там ходят женщины в белых длинных платьях, довольно красивых. Я оторопел. Оказывается, это были проститутки, они сидели там голые (во-первых, от жары, а во-вторых, у них у всех была гонорея). Когда им сказали, что сейчас придут кинематографисты, то дали по простыне, и они в них завернулись. Вот откуда такое ощущение.

- У вас есть какая-то собственная идеология?

- Когда я начинал, главные враги были большевики, КГБ. На самом деле, в самих нас все это заложено. В нас! Сейчас вот нет ни большевиков, ни КГБ, а сегодня солдаты продают своего товарища чеченцам. Что это? Проблема в том, что за эти годы в нас что-то случилось.

В "Хрусталева" живут мой папа, моя мама. Отец был замечательным, внутренне очень сильным человеком. Но и его можно было "взять" на том, что он не любил жить плохо, а любил жить хорошо. И я стал вычислять, что бы с ним было после страшных пыток, изнасилований и т. п. Мог бы он, как в моем фильме, целовать руки и живот того, чьи сапоги его только что изнасиловали?

А что касается идей... Мы показали, что и теперь все "по-старому, бы-

валому" происходит. Я считаю, что это время из нас не ушло. Оно в нас где-то сидит. А вообще с "Хрусталевым", по-моему, будет история, подобная "Лапшину". Мы тогда его смотрели, думали: как страшно, в какой ужасной стране мы живем! Мне говорили - авангард. А недавно смотрели его по телевизору. Очень смешно, поверьте. Очень смешная комедия, которая постепенно переходит в страх.

С последней моей картиной будет, наверное, то же самое. Люди начнут обращать внимание на смешное, потом, конечно, поймут, что такое тоталитарный режим, во что каждого из нас можно превратить... Так же возьмут, запустят к уголовникам и так же опустят.

- Как и где вы собирали исторический материал?

- Работая над фильмом, мы, конечно, много читали, окружение Сталина немножко "цепляли" и даже постарали-

лись пожить на даче Сталина. Мы тогда еще ничего не знали ни про эту дачу, ни про его смерть. Тогда там даже музей собирались открывать. Нам показывали, где заседало Политбюро, расска-

Фото Сергея ИВАНОВА

зали, как однажды вошел Сталин с гвоздем и с молотком, вбил гвоздь в стену и повесил на него свой маршальский пиджак-китель. Забавный психологический момент.

Солженицын неправду написал, хотя я его и уважаю, что Сталин всех боялся. Никого не боялся Сталин! На сталинской даче широченные окна в сад. А ведь существует психология постройки. Если вы боитесь, то обязательно делаете решетку. У Сталина был свой ключик, он приезжал и своим ключом открывал три действительно одинаковых кабинета. Это было.

Но это было не потому, что он боялся покушений, а просто это были, вероятно, старческие бессонницы: то в одном месте сплю, то в другом.

- У меня другие сведения. Мания преследования у него была.

- Мания, может, и была. Но он презирал преследователей. Про Сталина много наврали. Очень страшный был человек, в аду, наверное, грызет собственные кости. Но смерть его все равно должна быть актом жалости.

И Берю жалко. Моя профессия и состоит в том, как говорится: мы не врачи - мы боль. Я хотел, чтобы мне было жалко этого беспомощного старика - Сталина, умирающего в собственном говне.

- Сцены насилия в фильме волнуют чрезвычайно. Вы их сняли так, как будто бы вас когда-то самого опускали в "воронку".

- У меня был довольно близкий приятель из КГБ. Он был когда-то лагерным врачом, и он мне все это рассказывал. Во мне это засело как какая-то боль.

- Вам тяжело быть без работы?

- Самое страшное для меня - это суббота и воскресенье. Это катастрофа. Я не умею не работать. Мы в свое время написали много сценариев, по ним были поставлены картины, хотя мне было запрещено ставить свою подпись.

- Кем запрещено?

- Госкино. После "Лапшина" я со своими еврейскими мозгами всегда готовился к худшему, что является частью мировоззрения и ментальности этой нации. Поэтому я всегда знал, что у меня наверняка будут сложности, и все, что писалось, все шло только за подписью Светланы.

Поэтому она была лауреатом Государственной премии еще тогда...

- Вы что-нибудь пишете без жены, без ее ведома?

- Я сцену изнасилования в "Хрусталева" очень долго от Светланы скрывал, так как боялся, что она будет категорически против. Потом я ей сказал: "Садись, я буду диктовать". Проректовал. Она мне сказала, что это очень противно, но это надо оставить.

- "Хрусталева" нашему бывшему президенту показывали?

- Ельцину мы картину возили. Ельцин не смотрел, посмотрела его дочь. Но копию нам вернули, и было понятно, что ее посмотрели раз 30, она была вся исцарапана.

- Что сейчас происходит с кино?

- Сейчас положение в кино дикое. Недавно очень крупный продюсер совершенно всерьез сказал, что "если бы ко мне теперь пришел Тарковский, я бы ему работу не дал, и если бы Достоевский пришел, я бы ему работу тоже не дал".